

АЛЕКСАНДР ЗИМОВЕЦ

ДОБРОВОЛЬСКИЙ
МОМЕНТ ИСТИНЫ

Александр Зимовец Добровольский. Момент истины

<https://litres.ru/74207397>

Аннотация

В нашем мире я был успешным юристом, но в итоге окончил свои дни в тюрьме. Однако богиня правосудия не дала мне умереть, отправив мою душу в тело юного мажора-аристократа, прожигателя жизни, настроившего против себя даже родную семью.

В новом мире, где власть аристократов держится на обладании демонами, мне предстоит восстановить уважение к закону, о котором здесь давно забыли.

Теперь я, Ярослав Добровольский, глава юридической фирмы, состоящей пока из двух человек, готов бросить вызов таинственному мошеннику, манипулирующему самой реальностью.

А помогут мне в этом мелкий бес, ботаник, наследница проклятого рода, гусар с джетпаком, чайный гриб Валера, а также множество других выдающихся личностей.

Эксклюзивно на Литнет! ВТОРАЯ ЧАСТЬ уже на сайте:

Содержание

Пролог на небесах	4
Глава первая. Выпускной	18
Глава вторая. Отец родной	32
Глава третья. Проклятый старый дом	47
Глава четвертая. Первое дело Ярослава Добровольского	60
Глава пятая. Таинственная незнакомка	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Пролог на небесах

Когда говорят «неземная красота», то это обычно преувеличение. Но глядя на девушку, сидевшую за столом, я отчего-то сразу подумал, что ее красота именно что неземная.

И не ошибся. Я вообще редко ошибаюсь.

Стройная фигура, строгая простенькая прическа, белая блузка, короткая юбка, темные колготки. И серая шелковая повязка, закрывающая глаза.

У нее была внешность не то секретарши миллионера, не то порноактрисы, играющей секретаршу. Впрочем, повязка скорее намекала на второй вариант. Однако это все было как раз земное, но помимо этого было что-то еще. Может быть, выражение лица? Но ведь я этого выражения почти и не видел из-за повязки. Трудно сказать, но что-то от нее такое исходило, какое-то излучение, невидимое глазу, но проникающее прямо в мозг и заставляющее замереть в благоговении.

В общем, сидела она за стильным полупрозрачным рабочим столом, перед ней стоял тонкий ноутбук, по правую руку, рядом с компьютерной мышью, лежал массивный черный пистолет, а по левую – маленькие кулинарные электронные весы, на которых можно отмерить сахар или соль с точностью до одной сотой грамма. Такие как-то раз изъяли при обыске у одного моего подзащитного. Он ими, разумеется,

не сахар отмерял.

– Здравствуй, – сказала она. – Добро пожаловать.

Несмотря на повязку, меня не покидало ощущение, что она внимательно на меня смотрит.

Я огляделся. В помещении, где я находился, мне виделось что-то неуловимо родное. Кабинет адвоката. Шкафы с красиво расставленными томами законов и комментариев (которые, разумеется, никто никогда не открывает, потому что все есть в компе) не оставляли в этом сомнений.

Вот только... как я сюда попал? И кто она такая? На моего адвоката Жеку она совсем непохожа, да и в последние пару лет мы с ним виделись не в его кабинете, а при совсем других обстоятельствах.

Чтобы хоть немного прояснить ситуацию, я выглянул в окно и тут же отпрянул назад, у меня закружилась голова. Если глаза меня не обманывали, то кабинет находился, по меньшей мере, на двухсотом этаже. Внизу были облака, из которых кое-где виднелись другие небоскребы. Это что, Дубай? Но как я туда попал?

Я вдруг осознал, что совершенно не помню, что происходило со мной в последние несколько дней. Нет, распорядок моего дня с некоторых пор не блистал разнообразием, но все-таки, чтобы в голове не отложилось совсем уж ничего...

Я начал понимать, что тут явно что-то не так. Может быть, все это мне просто снится?

– Тебе это не снится, – проговорила девушка скучающим

тоном.

Я что, спросил это вслух? Кажется, нет...

– Давай побыстрее закончим вот эту часть, где ты спрашиваешь, что это за место, как ты сюда попал, кто я такая, и все прочее, – проговорила она, сморщив почти идеальный нос. – Я этого не люблю, и мне это давно надоело.

– Нет проблем, – ответил я. – Давай тогда ты просто расскажешь, где я, как я сюда попал, и кто ты такая.

Она рассмеялась.

– А ты сам как думаешь? – спросила она. – Есть какие-нибудь версии?

– Ты же сама хотела закончить эту часть побыстрее.

– Ладно, тогда начнем с того, кто я такая. Скажем так, я персонификация некого абстрактного понятия. В моем случае – справедливости.

– А можно попроще?

– Богиня. Так достаточно просто?

Я снова взглянул на ее серую повязку.

– Черт, я, кажется, даже понял, какая именно богиня.

– Ну, да. У меня много имен: Фемида, Юстиция, Маат, и еще куча других, включая такие, которые ты не слышал и не мог слышать, потому что мне их дали в других мирах. Можно сказать, что всю свою жизнь ты мне служил, хотя сам, конечно, в меня не верил и считал меня метафорой.

– Было дело. Ты уж извини.

– Ничего, я не в обиде. Боги ценят в людях не веру в них,

а следование их принципам. Иначе вовсе некого было бы ценить. Вот и тебя я пригласила сюда именно за то, что ты юрист милостью божьей. Ну, то есть, собственно, моей милостью.

– Спасибо за комплимент... вот только насколько я понимаю, тебе от меня что-то нужно.

– Именно так. Я хочу пригласить тебя в другой мир. Видишь ли, ты там нужнее. Расчеты показывают достаточно высокую вероятность для тебя повлиять на его развитие. Положительно повлиять, разумеется.

– Так, нет, погоди... какой еще другой мир? У меня еще куча дел в этом!

– Боюсь, этому миру ты не нужен.

– В смысле... то есть, как это, не нужен?! У меня здесь семья, у меня здесь работа, у меня еще, в конце концов, есть несколько задниц, которые необходимо надрать. Ты сама только что сказала, что я юрист божьей милостью, а раз так...

– Ты умер в тюрьме, – спокойно проговорила моя собеседница. – Давай смотреть правде в глаза: это значит, что ты этому миру не нужен.

– Я... что сделал? Погоди, я действительно сидел в тюрьме, но я не помню, чтобы я...

– Чтобы ты умер? Это нормально. Никто обычно не помнит, как он умер. В твоём случае это еще и произошло при не самых приятных обстоятельствах, так что лучше и не вспо-

минать.

– Меня убили, да? Слушай, мне необходимо вернуться! Хотя бы на один день! После этого – все, что угодно.

– Мертвые не возвращаются, – проговорила она, покачивая головой. – Да и как ты это вообще себе представляешь? Мне тебя зомби сделать или призраком? Или, может быть, воскресить тебя на третий день? Было бы забавно, но я такими вещами не занимаюсь, это не мой профиль.

Я ничего не ответил, только глядел на нее, переваривая услышанное. Только сейчас я заметил, какая у нее улыбка. Очень жесткая. Улыбка человека, который привык добиваться своего любыми способами. На красивом женском лице такая улыбка всегда выглядит особенно устрашающе.

– Одним словом, я бы советовала тебе поскорее забыть, что у тебя там было в твоём прежнем мире. Воспоминания будут тебе только мешать. Я бы и вовсе стерла тебе память, но могут пострадать профессиональные навыки, так что извини.

– А в чем, собственно, заключается твое задание?

– В том, чтобы напомнить людям в этом мире обо мне. Богам не нравится, когда люди их забывают. Это умаляет нашу силу и может нас вообще убить.

– И что же, я должен буду вымазаться в грязи, отрастить бороду и ходить по улицам с твоим портретом, крича: «Покайтесь, ибо грядет!»?

– Разумеется, нет, – она снова улыбнулась своей жесткой

улыбкой. – Как я уже говорила, мне нужна не вера в меня лично, а вера в мои принципы. Порядок. Справедливость. Равенство. В мире, о котором мы говорим, все с этим очень плохо.

– Что же там такое?

– Да как тебе сказать... как в курятнике. Каждый норовит сесть повыше, клюнуть ближнего и нагадить на нижнего.

– Так это мне не нужно было в моем мире умирать, чтобы на это полюбоваться.

– Верно. Но здесь ты сможешь это изменить.

– И как же?

– А как меняют мир? Для начала – станешь тем, с кем будут считаться. Это твое первое задание. Заберись на жердочку повыше в этом курятнике.

– А можно без метафор? В моем мире говорят: «Невнятное ТЗ – результат ХЗ».

Она вздохнула и разочарованно поморщилась. Последний раз я видел такое выражение на лице женщины, когда на первом курсе наутро после чудовищной пьянки, проснулся на полу в обнимку с однокурсницей Наташкой и узнал, что вчера был не на высоте. Ну, а кто был бы на высоте после такого количества выпитого?

– В этом мире есть магия, – проговорила она. – И тебе предстоит иметь дело с теми, кто ею владеет. Именно им принадлежит там вся власть. Магия стоит там выше закона. Ну, теперь понял, в чем проблема?

– В том, что ничто не должно стоять выше закона.

– Во-от! – на ее лице появилась улыбка, которую можно было расшифровать, как «кажется, ты не так уж безнадёжен».

– А в этот твой мир я как попаду?

– О, не беспокойся. В этом мире как раз только что умер один очень самонадеянный и глупый молодой человек. Ты просто займешь его место – вот и все.

– То есть, там нормально, что мертвые воскресают?

– Ну... там это и впрямь случается. Впрочем, в данном случае никто просто не узнает, что он умер. Видишь ли, ты заменишь его в очень специфический момент. Он проходил... назовем это инициацией. Закончил учебное заведение. И после окончания должен был пленить своего первого демона.

– Пленить демона?

– Да. Обычное дело. В этом мире высшие классы владеют магией, и основана она на взаимодействии с демонами. Впрочем, это никто не афиширует, но все об этом знают. Официально никаких демонов не существует.

– Жопа есть, а слова нет, – сказал я. – Понимаю. Все прямо как у нас.

– Да, тебе долго привыкать не придется. Одним словом, молодой человек должен был поймать себе демона, чтобы в дальнейшем быть не хуже других местных аристократов. Но вот беда: вместо того, чтобы нацелиться на средних разме-

ров Праздножора, как принято в их семье, он решил поймать Архидемона. Короче, ухватил зубами кусок, который не смог прожевать. И как обычно бывает в таких ситуациях, прожевали его самого. В самом буквальном смысле. Демон сожрал душу молодого человека, и сейчас его безжизненное тело медленно оседает на пол. Очень медленно. Ты еще можешь успеть.

– Ну... допустим, – проговорил я. Мне еще нужно было как-то уложить все это в голове. А главное: прогнать навязчивую мысль, что мне кто-то подмешал в чай какую-то наркоту, и я сейчас лежу на койке в своем бараке, нечленораздельно мычу, пускаю пузыри, а все это мне мерещится.

– Значит, я занимаю место этого молодого человека, – продолжил я. – При этом никакого Архидемона у меня, конечно, в распоряжении не будет?

Последнюю фразу я проговорил с легкой надеждой. Нет, ну, а что? Она же богиня, могла бы и обеспечить меня чем-нибудь таким.

Фемида в ответ покачала головой.

– Не будет. Да и не надо – он бы очень быстро подмял тебя под себя, сделал бы окончательно одержимым. Мне для моих целей это совершенно не нужно. У тебя не будет Архидемона, но будет кое-что получше.

С этими словами она повернулась, открыла шкаф за своей спиной и извлекла из него длинный прямой клинок, а затем протянула мне.

– Это Меч Истины, – произнесла она с торжественным придыханием, с каким усталая тетка в ЗАГСе объявляет молодых мужем и женой. – От сердца отрываю, между прочим. Таких во всем Универсуме три штуки, и один я дарю тебе. Временно. С обязательством возврата. Вот, кстати, договор, подпиши.

По профессиональной привычке я прочел договор от начала до конца, но никакого подвоха в нем не обнаружил, а затем взял у нее со стола шариковую ручку и расписался.

– Прекрасно, – сказала она, забирая листок с договором. – Теперь бери меч. Смотри, какой он крутой.

Я взял меч в руку. Был он длинным и узким: скорее даже не меч, а сабля. И что-то в нем такое в самом деле было... Я никогда не был любителем холодного оружия, но эта штука словно сама провоцировала на то, чтобы сперва поиграть ей в руке, а потом приняться рубить направо-налево. Что-то мальчишеское она пробуждала во мне.

Невольно я с силой взмахнул им, лезвие рассекло воздух с легким «вжик!», оставив за собой вспыхнувшие в воздухе голубые искры. Это было настолько красиво, что я ничего не смог с собой поделать и вжикнул мечом еще раз пять. И только после этого я осознал, что меч не столько слушается меня, сколько... я слушаюсь его. Рука как будто стала жить своей жизнью, двигаясь туда, куда зовет ее поющая сталь меча, и мне пришлось сделать серьезное усилие, чтобы остановить ее и выпустить меч из рук, аккуратно положив на стол.

– Осторожнее, – проговорила Фемида с усмешкой. – Смотри, не поранься. Истина – страшное оружие. Она разрушает семьи, прибыльные компании, порой даже целые страны. В том, конечно, случае, если они основаны на лжи.

– Это какой-то средневековый мир? – спросил я. Вопрос этот невольно пришел в мою голову, едва я видел меч. Все-таки, там, откуда я родом, люди не ходят по улицам с мечами, если только они не толкинисты.

– Нет, – ответила Фемида. – Мир вполне современный по твоим меркам. Компьютеры, автомобили, самолеты.

– И как я там буду... с мечом?

– Ой, тоже мне, проблема!

С этими словами она взяла меч из моих рук, и он тут же стал стремительно уменьшаться, пока не превратился в изящную ручку с золотым пером. Она снова протянула ее мне.

– Держи. Работает очень просто: срабатывает, если ты наведешь перо на какого-нибудь человека и задашь ему прямой вопрос. Он тут же ответит честно, что бы ты ни спросил.

– То есть, если я спрошу его, что он делал вчера вечером, а он вчера вечером воровал нижнее белье из стиральной корзины соседки...

– Да, – она кивнула. – Именно так это работает.

– Ценная вещь, – я повертел ручку в руках.

– Она ценнее, чем ты думаешь. И опаснее. Но с остальными ее свойствами ты познакомишься позже. А пока позна-

комься еще кое с кем, кто любезно согласился тебе помочь.

Она щелкнула пальцами, и за ее спиной один из шкафов отъехал в сторону. Из-за этой потайной дверцы вышло... существо. Больше всего оно напоминало карлика, чьи родители поехали в свадебное путешествие в Фукусиму и там пригласили к себе третьим в кровать радиоактивного муравья. Да, я извиняюсь за то, что заставил вас визуализировать эту сцену.

Одним словом, существо было низкорослым, покрытым жесткой темной шерстью, а вместо носа и верхней губы у него был небольшой хоботок. Шкура его кое-где свисала неприятными морщинистыми складками, словно была ему куплена на вырост.

– Это кто? – спросил я, разглядывая неожиданного гостя.

– Демон, – ответила Фемида. – Низший, разумеется. Бес. Сотрудничество с таким демоном совершенно не делает чести, и, боюсь, что ты станешь там объектом насмешек. Но ничего лучше я тебе предложить не могу – это единственный, кто согласился со мной сотрудничать.

– И могу еще отказаться, – обиженно прогундосил муравьед. – Если вы будете говорить обо мне в столь пренебрежительном тоне. Тоже мне, богиня! Да у вас там никакого влияния не осталось, вот вы и посылаете туда смертников одного за другим. Тьфу!

– Смертников? – переспросил я, взглянув на Фемиду. – Одного за другим?

– Да, да, парень, давай, спроси ее, сколько было таких до тебя! – поддразнил демон. – Можешь еще ручку направить, только она на этой фифе не сработает!

– Это создание хорошо умеет сеять раздор, – проговорила богиня, поморщившись. – Я советую тебе не особенно ему доверять. Впрочем, в данном случае... ну, да, ты будешь уже не первым, кому я поручаю эту работу.

– И не последним... – проговорил я, задумчиво взглянув в окно.

– И не последним, если будешь вести себя, как идиот, и дашь себя сожрать, – подтвердила Фемида. – Одним словом, готовься. Сейчас ты отправишься туда.

– погоди, – я выставил вперед руки. – Я ведь ничего не знаю. Что это за молодой человек, как его зовут, что он любит, с кем общается. Я же завалю там все явки, мне нужны сведения...

– Разберешься на месте, – богиня махнула изящной рукой. – Ну, и вот этот тебе поможет. Не даром же ему хлеб есть.

– Я хлеба не ем, – обиженно произнес бес. – И вообще, вся эта история нравится мне все меньше и меньше.

Я почувствовал, что хорошо его понимаю.

– Брось, – произнесла брезгливо Фемида. – Вот еще не хватало мне, чтобы ты тут нос свой длинный воротил. У нас с тобой есть договор. Он дороже денег.

– Договор-шмаровор, – проворчал бес себе под хобот. –

Стал бы я его заключать, если бы не был...

– ...таким жалким? – переспросила богиня.

– Я не жалкий! – рывкнул вдруг бес с неожиданной для такого мелкого существа яростью. – Я Теофраст Иригудамо-колотомимир Ракшаспопель Ультомомитик! Я демон гнева, я порождение хаоса, я владыка людских страстей! Я – тьма! Я – гибель! Я коварными интригами увлекаю души людей в ад!

При последних словах он начал колотить себя в грудь волосатой ручонкой, а его муравьедий хобот при каждом слове подпрыгивал, извергая брызги слюны.

– Последняя твоя коварная интрига заключалась в том, что ты заставил одного попа удариться мизинцем ноги о ножку стола и в гневе помянуть нечистого. Вот такого масштаба интриги.

– Да! И я этим горжусь! Каждый вносит свой вклад.

– Ладно, хватит этого цирка, – вздохнула Фемида. – Твой вклад был так велик, и твои хозяева так тебя ценили, что собирались скормить тебя Вечному Мраку ввиду твоей полной бесполезности. Я спасла тебя, ты мог бы быть со мной повежливее.

– Я не думал, что цена будет такой, – снова заныл бес. – То, что ты собираешься сделать... меня за такое не просто Мраку скормят, а придумают что-нибудь похуже, не настолько быстрое...

– Могу отправить тебя назад, – равнодушно сказала она,

пожав плечами. – Там все будет быстро и, возможно, даже безболезненно.

Теофраст-как-его-там тут же втянул голову в плечи, сделал шаг назад и ничего не сказал.

– Ну, и прекрасно, – резюмировала богиня. – Значит, мы с тобой достигли консенсуса.

Мне даже стало жаль его. У меня возникло ощущение, что с этим нелепым существом у меня есть нечто общее: он здесь тоже не по своей воле и никакого выбора у него нет. Хотя, кажется, он хотя бы понимает, что происходит, лучше меня.

– Одним словом, нам, кажется, пора прощаться, – проговорила Фемида, сцепив руки в замок. – У меня еще масса дел. Надеюсь, мы с тобой еще увидимся.

И прежде, чем я успел что-либо на это ответить, она взметнула тонкий пальчик, коснулась им поверхности весов, и мир перед моими глазами померк прямо как в тот раз, когда я перебрал с портвейном на первом курсе.

Глава первая. Выпускной

Результат был тоже примерно такой же – очнулся я на полу с раскалывающейся головой и мерзкой сухостью во рту. Пол был черным и гладко отполированным, так что я успел подумать, не привезли ли меня уже в крематорий.

– Эй, Яро, вставай! – послышался где-то сверху голос, слегка насмешливый, но, все же, дружелюбный. – Чего валяешься, давай похвастайся, кто там у тебя!

Я попытался подняться с пола, но у меня закружилась голова. Это было не столько физическое ощущение, сколько... какое-то странное раздвоение личности. Я все еще был самим собой и помнил всю свою прошлую жизнь: детство, университет, работу помощником юриста, свои первые дела, женитьбу, дочку, и ту мерзкую историю, из-за которой оказался в тюрьме.

Вот только одновременно в моей голове появились другие воспоминания. Совершенно не мои. Словно смутные образы из просмотренного фильма, вот только я был не зрителем его и даже не актером, а персонажем.

Детство в большом особняке со штатом слуг. Мать, которую я видел очень редко, и отец, которого видел еще реже. Приходящие учителя, дорогие игрушки, детские капризы. Затем учеба в частной школе, а в подростковом возрасте

– поступление в Училище Правоведения. Здесь, по всей видимости, в высшее учебное заведение поступали лет в четырнадцать, а к восемнадцати – уже заканчивали. Можно, впрочем, было закончить и раньше: судя по моим воспоминаниям, учебы почти никакой не было, сплошные тусовки.

Еще я вспомнил обрывки разговора с отцом – судя по всему он состоялся незадолго до этого дня, может быть, месяц назад или около того. Кажется, он был очень важным для меня, но подробности ускользали из моей памяти, смешиваясь с моими собственными воспоминаниями о моем настоящем отце. Черт, с этой проклятой памятью нужно будет что-то делать, если я хочу, чтоб моя кукуха сидела в гнезде, а не улетела в теплые края, оглашая окрестности отчаянными воплями.

– Эй, ты чего? – тот же голос звучал уже озабоченно. – Яро, с тобой все в порядке? Может, целителя позвать?

Я поднялся с пола и отряхнулся. На меня смотрел светловолосый парень в черном костюме, который выглядел не то чтобы совсем старомодно... но словно его придумал дизайнер-выпендрейник, насмотревшийся кино про викторианскую Англию. Какой-то черный сюртук вместо пиджака, но при этом отлично сшитый и явно дорогой. Впрочем, я тут же понял, что одет точно так же. Под сюртуком была черная рубашка, словно оба мы пришли на похороны.

– Гляди, кто теперь у меня есть! – произнес парень с гордостью.

Только теперь я увидел, что на пальце у него пижонский золотой перстень с алым камнем. Должно быть, дешевым, потому что настоящий драгоценный камень такого размера стоил бы космических денег. С ним явно не стоило бы ходить по улице, если не хочешь остаться без руки.

Но интереснее всего был не сам камень, а то, что от него тянулась светящаяся алая нить. Судя по всему, она была бесплотной – пальцы парня в какой-то момент отчетливо прошли сквозь нее. Тем не менее, она изгибалась, провисала, словно под собственной тяжестью, и делала парня похожим на собачника, который вывел свою псину погулять на поводке. Вот только вместо собаки...

Вместо собаки на другом конце странного поводка находилось существо, более всего похожее на быка, вставшего на задние ноги. Только морда у него была не бычья, а скорее медвежья – с заметными клыками. Существо скалило зубы, недобро вращало глазами по сторонам, и казалось, что оно вот-вот начнет яростно бить копытом.

– Грозень, – произнес парень таким тоном, словно хвастался новым мотоциклом. – Пятый уровень из шести. Кинетическая сила такая, что может стальную дверь выбить. Тот отец охренеет, когда увидит – у него-то четвертого уровня грозень, и еще ни у кого в нашей семье не было пятого. Да я теперь на одних только боях знаешь сколько бабок зашибу!

Его просто распирало от гордости, казалось, даже стоять на одном месте ему было тяжело, и он переминался с ноги

на ногу, будто возле запертой кабинки туалета.

– Ну, скажи, круто же! – продолжал он. – Я теперь настоящий боевой колдун!

Я что-то неопределенно промышчал, так как к диалогу был не готов. Краем глаза я заметил такую же алую нитку, выходящую из кольца на моем собственном пальце. Да, у меня тоже было кольцо, и тоже с камнем, только немного поменьше и синего цвета. А затем увидел стоявшего чуть в отдалении Теофраста. Он с невозмутимым видом осматривался вокруг, и я последовал его примеру.

Большой круглый зал с выложенными черным камнем стенами и таким же полом, только на полу кое-где видны алые узоры, выложенные плиткой и явно образовывавшие какую-то сложную, причудливую фигуру. Здесь и там по залу были рассредоточены другие молодые люди обоих полов, все лет восемнадцати-двадцати. И к каждому из них было прикреплено такой же ниткой по существу, сошедшему если не с картины Босха, то с промо-арта к Вархаммеру.

Одно из них было пауком размером с автомобиль, с длиннющими тонкими ногами и шарообразным телом, по всей поверхности которого располагалось множество глаз. Другое – длиннущей змеей, свернувшейся во множество колец, словно бухта электрического кабеля. Третье – гуманоидом с тонкими конечностями и головой, похожей на мяч для регби, лишенной глаз и ушей.

Видимо, это все демоны. Прямо скажем, на их фоне Тео-

фраст внушительным не выглядел, и я сразу осознал, что мое задание простым не будет. Нет, я, конечно, с самого начала догадывался...

А еще я заметил, что трое молодых людей и одна девушка в черных костюмах просто лежат на полу, не подавая признаков жизни. И кажется, что всем остальным на это совершенно наплевать. Хотя, судя по моим обрывочным воспоминаниям, они все учились вместе с нами и с кем-то из присутствующих даже дружили.

В центре зала возвышался постамент, а над ним висел – прямо в воздухе, медленно вращаясь – черный шар величинной с футбольный мяч. Это походило на игрушку из сувенирного магазина, но только там эффект достигается за счет того, что шар очень легкий, а здесь меня не покидало ощущение, что он очень массивный. Вообще, от всей этой конструкции веяло угрозой.

– Ну, теперь начнется новая жизнь! – проговорил блондин. Я вспомнил, что его зовут Викентий, и он, вроде как мой друг. Ну, как друг... в этой среде дружба – понятие очень относительное. Здесь человека ценят за то, чей он сын и вообще чей телефон он может набрать, если начнутся проблемы. Так вот я был достаточно крутым, чтобы общаться с Викентием, а он – чтобы общаться со мной, вот и все.

Он начал рассказывать, захлебываясь от восторга, о том, как уже завтра пойдет записываться в Ночную лигу – кажется, это было нечто вроде элитной бойцовской ассоциации.

Пока он говорил, я пытался собрать ускользающие из моего сознания обрывки чужой памяти. Это было неприятное ощущение. Что-то подобное, наверное, испытывают люди, у которых память начала отказывать в старости. Я до такого не дожил (есть свои плюсы в том, чтобы умереть относительно молодым), но сейчас хорошо их понимал.

Наконец, обрывочные воспоминания собрались в моем мозгу в более-менее связную картину. Итак, меня зовут Ярослав Добровольский, друзья называют меня Яро. Я младший сын Петра Добровольского, владельца медийного холдинга и хозяина нескольких демонов, главный из которых – праздножор четвертого уровня. Страшное существо, лишаящее окружающих воли к жизни и сил.

Как младшему сыну мне не светит получить по наследству главного папашиного демона, а значит, нужно было во что бы то ни стало поймать крутого демона сегодня.

А именно сегодня – потому что первый выход на Изнанку и охота на демонов здесь всегда происходит по окончании учебного заведения. Собственно, учеба для аристократических отпрысков вроде меня – это сушая формальность. Училище Правоведения, которое я окончил, на самом деле не выпускает юристов. Оно выпускает будущих хозяев жизни, которые потом занимают по праву рождения разные высокопоставленные должности: в крупных компаниях, в медиа, в Правительстве, которое здесь называется Синклитом. У кого на что хватит связей. И образование ко всему этому имеет

примерно такое же отношение, какое ЧВК «Вагнер» имело к классической музыке.

– Ты в порядке? – спросил меня парень, протянув руку и помогая встать. – Ты сейчас как-то странно посмотрел... погоди, а это что?

Он уставился на Теофраста, которого до этого не замечал, охваченный собственными тщеславными мечтами, и рассмеялся во все горло. Обиженный демон в ответ показал ему длинный узкий муравьедий язык, и издал при этом такой звук, что я засомневался, что источником его был именно рот существа, а не что-то другое.

– Нет, Яро, ты нормальный, зачем ты это притащил, божечки мои?! Ребята, вы гляньте!

Подошло еще несколько человек, обступивших меня с таким видом, будто меня переехал Камаз. Отвращение, жалость, плохо скрываемая радость от того, что с ними подобного не случилось – вот что можно было прочесть на их лицах.

– Чувак, ты полный лузер, – произнес один из подошедших, вставший возле Викентия. Это был крепкий, накачанный парень с короткой стрижкой и лицом, на котором было написано, что голову он использует, главным образом для того, чтобы совать внутрь нее протеиновые батончики.

– Да уж, херово быть тобой, – подтвердил Викентий, сложив руки на груди. – Я всегда думал, что ты с придурью слегка, но ты, по ходу, просто на всю голову больной, если ты в

таким богатом аду выбрал... такое.

Среди собравшихся появилась девушка – платиновая блондинка с длинными прямыми волосами и серыми глазами, словно подернутыми льдом. Услужливая чужая память тут же подсказала мне, что с девушкой этой у меня что-то было. Но, судя по выражению ее лица, больше уже не будет.

За спиной девушки стоял демон... или демонесса... сказать с точностью было сложно, потому что существо было длинноволосое, с длинными ногтями, но при этом каким-то мужским выражением лица.

– Ой, – сказала девушка, взглянув на моего беса и скривив ухоженное лицо. – Какой он мелкий и... сморщенный.

– Так это... холодно зато здесь, – ответил я. – И вообще, главное – не размер демона, а умение им пользоваться.

Она окинула меня странным взглядом. Выражение ее лица я мог бы принять за жалость, вот только слова «жалость», кажется, вообще не было в ее словарном запасе. Ну, или оно было ругательным. Так и ли иначе, было похоже на то, что, притащив слабого демона, я для нее совершенно закончился, как мужчина, а вот Викентий, напротив, начался. Хотя я смутно помнил, что у него есть девушка, и даже невеста.

Впрочем, не прошло и нескольких секунд, как я перестал быть центром всеобщего внимания.

– Да нет, вы только посмотрите, – раздался насмешливый голос откуда-то ближе к выходу, – а наш отличник вернулся вообще без помощника! Нет, вы только поглядите ... как...

Далее говоривший рассмеялся и не завершил свое сравнение.

– А я всегда говорил, что таких гнать надо, – проговорил Викентий, обернувшись. В голосе его звучала такая доза презрения, что, казалось, у него вот-вот начнет капать с губ ядовитая слюна и прожжет ему же ботинки. – Какого хрена его вообще пустили в зал? Получил диплом, и звездовал бы обратно, на кассе в забегаловке стоять?

Я выглянул из-за его плеча и увидел худощавого парня в очках, который сидел на полу возле стены и смотрел в пространство, бледный и отрешенный. Выглядел он так, словно готов был вот-вот расплакаться. Вот только на жалкого плаксу он совсем не был похож. Скорее на человека, у которого только что отняли самую заветную мечту, который долгие годы карабкался вверх по лестнице, и у самой вершины поскользнулся на чужом плевке, сверзившись к самому подножию. На него было больно смотреть.

Викентий подошел и ударил носком ботинка по ноге сидящего парня. Несильно, а скорее просто с отвращением, словно пнул какой-то валяющийся на полу мусор.

– Давай, выкатывайся отсюда, – процедил он, а затем плюнул парню на брюки.

Это вывело того из оцепенения, он вскочил и попытался дать Викентию в морду, тот даже пальцем не пошевелил, чтобы уклониться. Зато его грозень взревел, бросился на очкарика, не дал ему даже притронуться к хозяину и прижал

к черной стене зала.

Очкарик неловко попытался освободиться, но существо держало его мертвой хваткой. А к нему подползало еще одно, связанное с мускулистым другом Викентия. Это как раз была та самая черная змея совершенно фантастической длины. Она подняла голову над землей, вытянувшись почти в человеческий рост, раскрыла огромные желтые глаза и стала раскачиваться – кажется, готовилась атаковать.

– Если ты не против, у меня есть для тебя небольшой совет, – услышал я откуда-то снизу.

Я вздрогнул, но быстро осознал, что это всего лишь бес, и что голос его, вероятно, никто, кроме меня, не слышит.

– Что за совет? – спросил я.

– Ты можешь не задавать мне вопросы вслух, – ответил он. – Это выглядит глупо. Используй нить. Попробуй говорить через нее.

Это было непросто, и тоже отдавало немного шизофренией – пытаться говорить, не раскрывая рта. Но после нескольких попыток у меня получилось, я почувствовал, как слова прямо из моего мозга перетекают по красной нитке, словно электричество по проводу.

– Слушай, а они что, все и по улицам все время ходят с демонами на поводке, словно с чихуахуа? – спросил я.

Мне представилась картина того, как это может выглядеть, например, на вокзале или в ТЦ.

– Благодарю тебя за такое сравнение, – ответил Теофраст.

– Технически, да – демон всегда рядом. Вот только обычно демоны невидимы для остальных. Здесь, в зале, по-особому настроенная магическая аура, поэтому ты видишь чужих демонов. В обычной жизни так не будет.

– Ладно, – ответил я. – Так что у тебя за совет-то?

– Видишь этого верзилу, с привязанной к нему змеей? Между ним и блондинчиком есть какое-то напряжение. И оно как-то связано с тем, где верзила провел вчерашнюю ночь.

– И откуда ты это знаешь?

– Я тварь раздора, не забыл? Я потом тебе это объясню, но пока тебе лучше поторопиться, а то они сейчас от этого парня мокрого места не оставят, а ты, я вижу, этого бы не хотел.

В самом деле, демоны вот-вот готовы были растерзать парня. Я заметил, что со стороны выхода к нам направляется человек в черном, явно намеревающийся прекратить это бесчинство, но направляется очень медленно и вальяжно. Не очень-то торопясь.

Качок – я с трудом припомнил, что его зовут Афанасий Юдин – стоял рядом с Викентием и заливался смехом, глядя, как очкарик извивается, пытаясь освободиться из каменных объятий демона. Я сделал пару шагов в их сторону.

– Так-так, кто это тут у нас такой смелый? – проговорил, между тем, с растяжкой Викентий, подойдя поближе к плененному очкарику, которого огромные руки чудища сдави-

ли уже почти до невозможности сделать вдох. – Хотел меня ударить, чмо?! Сейчас я тебя приотпущу, а ты, если хочешь жить, будешь целовать мой ботинок. И не так, как малолетки, губками, а по-взрослому, с языком. А если нет, мой грозень тебя по стене размажет, а я скажу, что так и было. Вон, тут уже четыре трупа после охоты лежит, одним больше, одним меньше.

– Эй, Афанасий! – спросил я с беззаботным видом и, вынув ручку из кармана и на всякий случай сняв с нее колпачок, золотым острием указал на Юдина. – А ты где прошлую ночь провел?

С Юдиным случилось что-то страшное. Он покраснел, затем побледнел, затем сделал такое движение, словно ему не хватает воздуха, и он судорожно хочет заглотить ртом побольше. Потом он прикусил нижнюю губу, будто не желая раскрывать рот, но это тоже не помогло.

– Это... я вчера... у Лоры Белецкой был... ну, в комнате ее...

– У Лоры? – переспросил Викентий, обернувшись к нему. Лора как раз была той самой его невестой. – Ночью?

Я на всякий случай не убирал острие ручки, хотя почувствовал, как она начинает дергаться в моей руке, словно хочет вырваться. Контролировать ее было все труднее, но я перехватил ее получше и не сводил ее с громилы, которого в этот момент едва ли на изнанку не выворачивало.

– Ну, да, – процедил он. – Она мне просто написала: зай-

ди, поболтаем. Ну я и зашел. А она там в халатике, в своей комнате. Ну, я сразу понял, к чему дело идет. Ну, и в итоге так и завертелось... на всю ночь... она это... такая горячая у тебя, до утра с меня не слезала... Ты это... извини, что так вышло... я думал тебе не говорить... друг, все-таки... не знаю, что на меня нашло...

Он сделал паузу и зачем-то прибавил:

– Она это... говорит, у меня большой, и это... ну... так приятнее...

Лицо Викентий побагровел, в толпе вокруг него послышались смешки. Демон, между тем, отпустил очкарика, который шлепнулся на пол, тяжело дыша и ошалело смотрел на происходящее, словно человек, которого от смертной казни спас розовый летающий енот – до такой степени мое вмешательство было неожиданным, судя по всему.

– Да ты, парень, теперь, как я погляжу, настоящий боевой куколдун, – сказал я Викентию. – Поздравляю!

В следующую секунду грозень рванулся с места. Я успел вздрогнуть, решив, что переборщил, и он сейчас бросится на меня и, конечно, разорвет на куски, так как на Теофраста надежды никакой. Однако рычащая тварь пронеслась мимо меня и бросилась на Юдина.

Тот, однако, был тоже не лыком шит. Его змеища с громким шипением бросилась на защиту своего хозяина, оплела грозня мощным телом, и они сцепились в орущий ком, покотившись по черному полу.

Любопытно, что сам Викентий и не подумал напасть на однокурсника. Еще бы, так не долго и по морде схлопотать, особенно, когда демон занят и защитить тебя не может.

Я подошел к все еще сидящему на полу парню, схватил его за шиворот и поставил на ноги.

– Пошли отсюда, – сказал я ему, толкнув за плечо к выходу. Нам тут нечего отсвечивать, пусть сами разбираются.

Поймав на себе удивленный взгляд блондинки – я уже помнил, что ее зовут Стелла, и что у меня определенно с ней что-то было, и даже помнил, что именно – удалился из зала. Человек в черном, с внешностью отставного военного, теперь рванул во всю прыть и едва не сбил нас с ног. Смертоубийство между двумя аристократами в его планы явно не входило.

– Так, быстро прекратили! – рявкнул он в дверях, и я почувствовал, как воздух рядом с ним пришел в движение – должно быть, он задействовал своего собственного демона, чтобы разнять дерущихся.

Но наблюдать за исходом поединка мы не стали. Преодолев пару коридоров, мы оказались в парадном вестибюле, в котором красовалась статуя человека, державшего в одной руке поднятый меч, а в другой – развернутый свиток.

Глава вторая. Отец родной

На улицу мы вышли вместе с Кириллом – так звали очкарика, как я теперь вспомнил. Кирилл Грушин. Единственный на моем курсе человек, поступивший в Училище не по праву рождения, а пройдя многоэтапный конкурс. Простолюдин, в семье которого никогда не было собственных демонов, он же рассчитывал демона поймать. Но, как известно, человек предполагает, а демоны – располагают. Без фамильного кольца заарканить демона очень сложно, а вот попасть к нему на завтрак – очень просто. Так что Кириллу еще повезло – он остался жив и со здоровой психикой. Вот Ярославу Добровольскому повезло меньше. Впрочем, теперь я за него.

Едва мы вышли я остановился на мраморном крыльце Училища и жадно вдохнул воздух. Для меня это был воздух свободы. Я почувствовал, как каждая клетка моего тела трепещет от радостного предвкушения. Свобода! И молодость!

После тюрьмы все это буквально опьяняло. Я смотрел на свои руки, лишенные морщин, и чувствовал: да, я им всем сейчас задам! Новый мир, демоны, магия? Даже это само по себе кружило голову не так сильно, как ощущение полного сил тела. Только здесь, на свежем воздухе, до меня окончательно дошло, насколько это круто.

– Не стоило этого делать, – проговорил Грушин, когда мы

вышли. — То есть, спасибо, конечно, но я не понимаю, зачем.

— Затем, — ответил я, — что таким, как мы, надо держаться вместе.

— Лузерам? — спросил он с усмешкой.

— Скажем иначе: альтернативным везунчикам.

— Ну, ладно, — ответил он, глядя на меня настороженно. И я догадывался, почему он так смотрит. Ярослав Добровольский был одним из тех, кто больше всех шпынял его на всем протяжении учебы. И вдруг — такое. Неудивительно, что парень заподозрил какой-то подвох. Впрочем, объяснять ему, что я не Ярослав Добровольский, было рискованно и не к месту.

Вместо этого я еще раз потянул ноздрями воздух, почувствовав в нем бензиновую гарь и цветочный запах духов от двух проходивших мимо девиц. Восхитительно! Будоражит!

— Тогда я тебе позвоню, — сказал Кирилл. — Как-нибудь.

— погоди, а ты что вообще собираешься делать-то дальше?

— Ну, как, работать, — он невесело усмехнулся. — По специальности. Пойду в какую-нибудь юрфирму, бумажки перекладывать.

— Слушай, у меня есть идея, — ответил я. — Если тебе все равно, где перекладывать бумажки, то почему бы тебе не пойти в мою юрфирму?

— Seriously? — переспросил он.

— Конечно, — ответил я. — Будешь партнером, сначала будем работать по мелочи, потом наработаем клиентуру, возь-

мемся за крупные дела...

– Да кто же доверит крупные дела людям без дара? – спросил он. – Ты как с луны свалился. Уж в чем, в чем, а в том, как живет аристократия, я думал, ты лучше меня разбираешься. Разве что твои родственники на какие заказы расщедрятся.

– Может, и родственники расщедрятся, – кивнул я. – А про какой ты дар?

Кирилл вытаращил глаза.

– Дар – это я, – пояснил расположившийся возле моих ног бес, почесав спину толстыми пальцами. – Здесь никто не называет демонов демонами, никто не признается, что они у него есть. Обычно отделываются всякими словечками, вроде «дара». Лично я считаю это мерзким и решительно протестую. С удовольствием возглавил бы движение демонов за возвращение своего статуса.

Я хотел объяснить ему, в сторону какого именно органа ему следует направить свое движение, как вдруг в моем кармане завибрировал телефон. Я взял трубку и услышал взволнованный старческий голос.

– Ярослав Петрович... вас срочно хочет видеть ваш батюшка. Вы домой едете?

– Да, – ответил я. Признаться, я сам как раз находился в раздумьях относительно того, куда мне ехать. Я знал, что вся компания собирается праздновать окончание учебы и обречение демонов в пафосном клубе, но что-то мне подсказывало, что мне там рады не будут. Так что почему бы и не домой?

– Очень хорошо, – проговорил голос. Память любезно подсказала мне, что это дворецкий отца. – Вы только как-нибудь поосторожнее с ним. Он услышал, что у вас охота прошла неудачно, и... очень расстроен.

Я поморщился, почувствовав, что начинаю понемногу ненавидеть Ярослава Добровольского. Охота прошла неудачно у него, а отдуваться мне! Судя по обрывочным воспоминаниям, я заключил, что фраза «отец расстроен» означает вовсе не то, что он плачет, укрывшись пледом с бокалом вина и глядя на дождь за окном. Дипломатичное слово «расстроен» в устах дворецкого означало, что Петр Добровольский в бешенстве и ищет, кого бы разорвать на куски. А тут и искать не надо – ясно, кто главный кандидат.

Впрочем, не ехать было нельзя. Про себя я уже решил примерно, какими будут мои первые шаги. Но чтобы их реализовать, нужно было понять, в какой мере я могу рассчитывать на помощь семьи. То, что в этом мире без семьи никуда, мне было уже очевидно.

На стоянке стояло несколько десятков автомобилей разной степени роскошности, я щелкнул брелоком, который нашел в кармане, и одна из них, черный седан неизвестной мне марки, мигнула фарами. Что ж, неплохо. Вот только куда ехать?

Я почувствовал себя очень глупо. Названия улиц и шоссе в голове перемешались с такими же названиями из знакомой мне Москвы, с какой из них на какую поворачивать было со-

вершенно неясно. Спас меня оказавшийся в машине навигатор, в котором оказалась пометка «Дом».

На пассажирском сидении рядом со мной, между тем, расположился Теофраст. Он даже предпринял попытку застегнуться ремнем безопасности.

– Ты вообще что умеешь-то? – спросил я его, когда мы выехали из ворот Училища.

– Я?! – воскликнул он с притворным возмущением. – Да я... я порождение хаоса! Я владыка раздора!

– Это я все уже слышал, – ответил я. – А можно поконкретнее? Для чего тебя вообще мне навязали?

– Меня?! Навязали?! – возмущение беса было настолько велико, что даже хоботок его задрожал и из него донесся трубный рев, словно демон решил шумно высморкаться. – Да я вообще не буду с тобой разговаривать после таких слов! Это вообще тебя мне навязали, а не меня тебе! Ты должен в ноги кланяться древнему порождению хаоса, которое снизошло до того, чтобы осчастливить жалкого смертного своей помощью!

– Ну, хорошо, хорошо, – я несколько раз кивнул, стараясь сдержать скептическую улыбку. – Не соблаговолит ли порождение хаоса приоткрыть жалкому смертному завесу тайны над своими мистическими способностями?

– Уже лучше, – ворчливо ответил бес. – Хотя мне все равно слышится в твоих словах совершенно неуместная ирония. Ну, да ладно, я не обидчив. Одним словом, моя главная

способность заключается в том, что я чую раздор. Нюхом чую, как между людьми пробегает эта искорка. И для меня это невероятно приятный, волнующий запах! Как для пчелы – аромат цветочной пыльцы. Как для волка – запах страха жертвы! Как для японского извращенца – запах нестиранных трусов невинной школьницы!

– Спасибо, – ответил я. – Я примерно понял. То есть, если люди между собой в ссоре, то ты это чувствуешь... но обычно это и так очевидно. Не очень полезная способность.

- Не когда они в ссоре, а когда между ними есть напряжение, которое может к ней привести! Вот как между твоими приятелями там, в зале. Конечно, в данном случае точную причину их разлада нужно было еще угадать, но я отчетливо ощущал, что между ними все непросто. Тот, что гора мышц, очень надеялся, что его приятель не узнает о случившемся. А тот белобрысый, в свою очередь, чувствовал, что приятель ему что-то недоговаривает. Такие вещи всегда производят тонкий едва уловимый запах, и для меня он...

– Да-да, спасибо, можешь уже не рассказывать, как что, – ответил я, опасаясь, что он придумает еще какое-нибудь поэтичное сравнение, а мне потом жить с этим образом в голове. Тем более, что мы как раз приехали, и мне хотелось настроиться на разговор, который – я уже чувствовал – будет не из простых.

Машину я остановил возле роскошного особняка на окраине города, в охраняемом, обнесенном стеной поселке. Вы-

глядело родовое гнездо Добровольских так, словно его строил полусумасшедший скандинавский архитектор, воплотив все свои самые смелые фантазии: изогнутые линии, прозрачный купол на крыше, сочетание дерева с темным стеклом и кирпичом.

На крыльце меня встретил человек в старомодном фраке, лет пятидесяти, высокий и тощий – Филиппыч, тот самый дворецкий отца, что звонил мне.

– Как же вы это так, Ярослав Петрович... – проговорил он сочувственно, пока мы шли с ним по застеленному мягким ковром коридору. – Он... очень не в духе все еще. Уж я пытался его как-нибудь успокоить

– Спасибо, я догадываюсь, – ответил я.

Отец сидел за столом, чем-то напоминавшим тот, что был в кабинете у Фемиды. Разве что пистолета на нем не было, и я про себя отметил, что это, пожалуй, к лучшему. Был он человеком высокого роста, когда-то явно очень крепким физически, да и сейчас еще вполне способным набить кому-нибудь морду при случае. Пудовые кулаки, короткий ежик волос, ранняя седина в них. Только тело заметно расплылось, но не до такой степени, чтобы это уже становилось серьезной проблемой.

– Ну, здравствуй, сынок, – проговорил он, а затем взял со стола скрепку и согнул ее толстыми пальцами. Потом перегнул еще раз и смял. После этого он щелчком пальцев отшвырнул смятую скрепку в угол кабинета. Взглянув туда, я

увидел, что там уже валяется штук двадцать таких же металлических комков.

Я поздоровался.

– Как твои дела? – спросил он притворно-приветливым тоном. – Как прошла охота?

Я раскрыл, было, рот, чтобы что-то на это ответить, но отец не позволил мне вымолвить ни слова. Остатки самообладания явно оставили его, лицо налилось кровью, пальцы сжались в кулаки.

– Ты! Ты гребаное разочарование! – выкрикнул он. – Ты какой-то ублюдок, недостойный носить мою фамилию! У тебя была возможность стать нормальным человеком, а не шутлом гороховым, и ты ее просрал! Да надо мной мужики смеяться будут, что я такое вырастил. Ты зачем вообще это сделал?

– По-другому было нельзя, – ответил я первое, что пришло в голову. – Иначе вернулся бы вообще без демона.

– Да лучше бы вообще... я же говорил тебе...

Он с силой ударил кулаком по столу, и тот едва не треснул.

– Ты это специально, да? – проговорил он, понизив голос. Интонации его при этом стали удивительно ровными, словно он враз успокоился. Но я чувствовал, что верить этому спокойствию нельзя. Ярость бушевала внутри него, она не только не выплеснулась вся наружу, но и стала внутри него густой и концентрированной, словно магма.

Я помотал головой.

– Нет, разумеется, нет, – проговорил я.

– Ложь! – выкрикнул он, снова саданув кулаком по столу.

– Ты всю свою жизнь делал все, чтобы только меня бесить!

Надо сказать, что мои отрывочные воспоминания подсказывали мне: отец имеет некоторые основания для того, чтобы так говорить. Ярослав с детства задира и раздражал всех вокруг, не исключая и отца. Однажды он, к примеру, в течение месяца ставил отцу на звонок в телефоне мелодию попсовой песни, которую тот терпеть не мог. Он выдумывал кучу хитроумных уловок, даже научился взламывать телефон дистанционно, лишь бы в очередной раз услышать, как отец слышит навязчивую мелодию и раздражается проклятиями. Однажды он даже разбил дорожный телефон об стену.

В общем, Яро был далеко не подарком, и будь у меня такой сын, я бы тоже не раз задумался о его сдаче в детский дом. И то, какой вердикт вынес Петр Добровольский, было, в сущности, совсем неудивительно.

– В общем, так, – проговорил он, скомкав очередную скрепку и бросив ее в угол. – Вот тебе.

С этими словами он достал из ящика стола черный прямоугольник, оказавшийся банковской картой, и отправил ее в мою сторону брезгливым щелчком пальцев.

Я взял карту. Выглядела она точь-в-точь, как в моем мире, имелся и логотип банка, правда незнакомый – буква «Н» на гербе, который поддерживают два горноста.

– Здесь триста рублей, – проговорил отец. – И сто будет

капать каждый месяц. Это все, что я могу тебе предложить. Дальше сам. Мне надоели твои выходки. Ключи от машины давай сюда. И от дома тоже, ты здесь больше не живешь.

Память услужливо подсказала мне, что покупательная способность рубля здесь примерно в тысячу раз выше, чем у того, к которому я привык. Так что выданная мне сумма была не таким уж издевательством. Такое ежемесячное содержание позволяло мне снимать жилье, питаться, и на развлечения еще оставалось бы.

Но не более того. Для выросшего в роскоши папенькиного сынка, уверенного, что деньги растут на деревьях, это был практически голодный паек. И настоящий Ярослав Добровольский, вероятно, был бы в ужасе от случившегося.

Вот только я не был Ярославом Добровольским. Я отлично умел считать деньги, а нужду в первые свои самостоятельные годы видал такую, по сравнению с которой это были просто райские стартовые условия.

– Благодарю, – ответил я, опуская карту в карман. – Большого мне и не потребуется.

С этими словами я положил брелок с логотипом неизвестной мне марки на папашин стол и направился к выходу.

Отец за моей спиной растерянно крикнул. Кажется, он ожидал какой-то совсем не такой реакции. Возможно, предполагал, что блудный сын повалится к нему в ноги и начнет умолять, чтобы его вновь допустили к кормящей сисье, с которой желательно было бы не слезать лет до сорока.

– Погоди-ка, – проговорил он. – Не смей приходить ко мне больше! И чтобы я вообще о тебе больше не слышал! Если ты станешь меня еще позорить, я отберу и это! Будешь жить на вокзале!

Я отвернулся и поглядел ему в глаза. Выдержать его взгляд мне было нетрудно.

– Я и не подумаю приходить, – ответил я. В моей голове в этот момент уже зрел план дальнейших действий. – Это ты еще придешь ко мне просить о помощи, вот что.

Выйдя из дверей, я взял телефон и набрал номер Кирилла.

– Привет! – сказал я. – Тут такое дело, мне, видимо, негде жить.

– Так давай пока ко мне, – ответил он нерешительно. – А ты это... насчет фирмы ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Ты извини, я у тебя долго чилить не буду, завтра же найду какое-нибудь жилье и буду помещение под офис искать. А то мне бы подешевле...

– Так это... я тебе могу одно посоветовать. Тут одна дама как раз полдома сдает. Там и жилая комната есть, и под офис как раз место будет. Я сам думал там жить, но... потом раздумал. Решил, лучше сниму квартиру в городе, ну ее.

– А что такое? – я сразу почувствовал какой-то подвох.

– Да характер у нее мерзкий. И вообще, шумно у нее. Мне ж заниматься, а у нее... в общем, нездоровая атмосфера.

– А стоит сколько это счастье?

Он назвал цену, и я сразу понял, что с нездоровой атмо-

сферой я как-нибудь свыкнусь. До этого я исходил из того, что, сняв и квартиру, и рабочий кабинет, да еще прикупив какую-никакую мебель, я буду вынужден перейти на Доширак, или как здесь называется его аналог. А так передо мной замаячила перспектива хотя бы есть досыта.

Кириллу я не соврал. Я действительно решил, что фирму я открою. Демоны или не демоны, но толковый юрист в любом мире нужен. Одно плохо: писать здесь про свой огромный опыт – а он у меня действительно есть! – я не смогу.

Я достал из кармана мобильник, включил камеру и взглянул на себя. С экрана на меня смотрел художественно растрепанный темноволосый сероглазый парень с ехидной ухмылкой. Да, потенциальные клиенты будут воспринимать меня именно таким: вчерашним студентом, нихрена не умеющим.

Впрочем, в этом есть свои плюсы: с новичка спрос меньше, а любой его успех воспринимается, как едва ли не чудо. На этом и будем выезжать.

Вот только Кирилл мне необходим. Какой бы я ни был ас в своем мире, но местных законов я не знаю, а то, что они сильно отличаются от тех, к которым я привык – это к гадалке не ходи. На первых порах мне не обойтись без того, кто хорошенько их вызубрил, а такой человек на моем курсе был, по всей видимости, один. Потом, конечно, сам все выучу, вот прямо сегодня и засяду за книжки.

Ночь я провел на диване в небольшой студии, которую Кирилл снимал, подрабатывая официантом в ресторане. Здесь было очень много книг. Пожалуй, даже слишком много для такой крохотной квартирки. А еще бросался в глаза крупный аквариум с кучей укрытий, в котором сновали юркие полосатые рыбки.

– Я это... знаешь... успокаивает, – сказал он, показывая мне аквариум. – Особенно когда один тут живешь, вечерами сидишь. Ну, хоть есть, с кем поговорить.

Я никак не стал комментировать эти разговоры с рыбами. Только улыбнулся и хлопнул его по плечу.

Чтобы не терять время, я взял учебник по гражданскому праву. Те главы, которые явно не отличались знакомого мне законодательства, я пролистывал. В те же, что касались демонов: их наследования, дарения и прочего – вчитывался повнимательнее.

– Слушай, я все-таки, не верю, – проговорил Кирилл неуверенно. – Ты серьезно это все? Юридическая фирма?

– Считай, что я решил взяться за ум, – ответил я, зевнув. – Может такое быть или нет?

– Ты извини... но еще недавно я сказал бы, что нет, – ответил он. – Ты же ни на одной лекции не был.

– И очень жалею, – сказал я. – У тебя другие учебники местные остались?

– В каком смысле, «местные»? – переспросил он.

– Ну, я вообще имею в виду... вообще. Те, по которым ты занимался в Училище.

– Остались, конечно, – ответил он. – Но кому это все надо...

– Вот тебе же было надо, раз ты учил.

– Да я... – он смущенно поморщился. – Ну, вот серьезно: у меня была мечта. Стать настоящим аристократом, основать свой род, получить герб. Для этого мне надо было сперва поступить в Училище – и я в лепешку расшибся, чтоб поступить. Потом мне надо было из Училища не вылететь. Это ведь вам все зачеты просто так ставили, а мне знаешь, как зубрить приходилось? И все ради того, чтобы дойти до последнего испытания и...

Мне показалось, он всхлипнул.

– Я ведь столько роликов просмотрел, столько гайдов изучил на тему того, как поймать на Изнанке демона, если у тебя нет кольца. Но оказалось, что все это хрень собачья, и если ты не родился с серебряной ложкой во рту, то никаких шансов у тебя нет. Это... просто пипец как несправедливо.

– Не горюй, – сказал я. – Как видишь, даже если ты с серебряной ложкой родился, она легко может оказаться засунутой тебе же в задницу. Вот взгляни хоть на меня. Но отчаиваться не надо. Мы еще всех их сделаем, это я тебе обещаю!

– Да как мы их сделаем... – он вцепился длинными пальцами в подушку, так что мне даже показалось, что он ее вот-вот порвет и посыплется перья. – Ты так говоришь, как буд-

то вчера родился. Никакие адвокаты и юридические фирмы давно уже ничего не решают в империи. Прав тот, у кого круче дар, и суд это только простамповывает. К юристам бегают только простолюдины и только по самым ерундовым делам. Тот, кто хочет добиться чего-то серьезного, просто ищет человека с крутым даром, и тот решает проблему.

– И это правильно, да? – спросил я.

– Это жизнь, – ответил Кирилл и откинулся на подушку.

– Вот мы с тобой и переделаем эту жизнь, – ответил я. – Так, чтоб они все бежали не к тому, у кого круче демон, а к тому, кто лучше знает закон.

Кирилл приподнялся на локте и несколько секунд смотрел на меня. Интересно, не размышлял ли он при этом о том, как бы половчее сдать меня в дурку?

– Ты лучше спи, – посоветовал он, растерянно глядя на меня. – За ночь все не выучишь, а утро вечера мудренее.

И в самом деле. Я погасил лампу.

Глава третья.

Проклятый старый дом

Особняк находился на окраине города и был очень старым. Я бы назвал его «дореволюционным», если бы был уверен в том, что в здешней России тоже была революция и в те же года. Имел он форму буквы «Г», причем вертикальную палочку этой буквы занимала сама хозяйка, а оставшуюся часть отдавала внаем.

Кстати сказать, к этому времени я уже знал, что город, где я нахожусь, называется Свято-Дмитровом, или в просторечии – Димоном. И что это второй по величине город здешней Российской Империи, не столица, но и не провинция, нечто вроде нашего Питера. Или Москвы дореволюционных времен.

Кирилл взошел по искрошившимся от времени ступеням и позвонил. Пришлось подождать пару минут и еще разок позвонить

– У нее есть деньги, – пояснил Кирилл, – но прислуги она не держит. Говорит, все они воры и мошенники.

Никто все еще не отзывался. Подул ветер, и на крыше особняка, выглядевшего почти что заброшкой, со скрипом повернулся ржавый старинный флюгер.

– Кто она вообще такая? – спросил я.

– Лучшая подруга моей покойной бабушки, – ответил Кирилл. – Они когда-то вместе учились в женской гимназии. Туда тогда только-только допустили простолюдинок. Они были обе из богатых купеческих семей, так что родители могли себе позволить. У нее и сейчас родственники очень богатые, племянник мастерской владеет по огранке камней Соломона.

– Каких еще камней?

– То есть, как это, каких? Да вот таких, как тот, что у тебя на пальце.

Я взглянул на свой перстень, который, впрочем, успел за вчерашний день уже не раз рассмотреть. Камень действительно был огранен каким-то сложным, непривычным образом. Некоторые грани выступали хищными, острыми углами, что наводило на мысль о том, что перстень при случае можно использовать, как оружие, вроде кастета. Впрочем, главная его сила, конечно, была не в этом.

Наконец, дверь приоткрылась, и в проеме появилось морщинистое лицо хозяйки, одетой в леопардовую пижаму.

– А, это ты, – бросила она, увидев Кирилла. – А кого это ты привел? Что это за франт?

– Пульхерия Виссарионовна, – заговорил смущенный Кирилл, – это Ярослав... мы с ним учились вместе...

– Да чему вы там учились в этом вашем вертепе? – проговорила хозяйка, поморщившись. – Тьфу, прости, Господи!

Девочек только щупать, больше там не учат ничему!

– Нет, Пульхерия Виссарионовна, неправда, я его как раз привел помещение посмотреть. Он юридическую фирму открывает, ему помещение под офис нужно. Вы же не сдали еще?

Пульхерия Виссарионовна окинула меня таким взглядом, словно на лице у меня были явные признаки какой-то нехорошей болезни, и она раздумывала, насколько безопасно вообще пускать меня в дом, не придется ли потом все протирать спиртом.

– Ходют-ходют смотреть... – проворчала она. – А толку никакого, только вазу хрустальную разбили и две вилки серебряные пропали.

Впрочем, она посторонилась, пропуская нас в прихожую, которая когда-то явно была роскошной, но эти времена прошли еще до рождения Кирилла, а может быть, даже до рождения Пульхерии Виссарионовны. Здесь даже имелись две мраморные колонны и разлапистая бронзовая люстра, похожая на притаившегося под потолком огромного паука.

Но лучшие времена этой прихожей давно прошли, сейчас она была завалена каким-то хламом: сумками с торчащей из них старой одеждой, пыльными мешками с картошкой, и просто мусорными пакетами, глядя на которые очень хотелось верить, что в них не запакованы трупы прежних арендаторов.

– Значит, правила такие, – проговорила хозяйка, пока мы

шли вслед за ней по длинному узкому коридору. – Во-первых, девок не водить! Увижу тут какой разврат – мгновенно у меня вылетишь! Во-вторых, пьянок не устраивать! В-третьих, на мою половину без приглашения не соваться, и особенно в подвал! И если к тебе ходить будут, то чтобы тоже не совались, всех предупреждай! В-четвертых, деньги за месяц давай вперед!

– Давайте я сразу за пару месяцев вперед заплачу, – предложил я.

Новый взгляд, которым окинула меня Пульхерия Виссарионовна был таким, словно моя болезнь не то чтобы совсем прошла, но явно вошла в устойчивую ремиссию, и сыпь на лице стала не так заметна.

– Ладно, – проговорила она, явно раздумывая, где тут подвох. – Тогда пойдем, посмотришь. А тут тоже один приходил, вроде тебя, такой же хлыщ, хотел, наверное, снять, чтобы девок водить и устроить тут проститутушную. А потом посмотрел-посмотрел, говорит, нет, не нравится. Ему, небось, бассейн подавай, чтоб туда голых девок кидать, а у меня бассейн не водится, у меня на той половине и ванны нет, только кабина душевая.

– Меня это устраивает, – ответил я.

– Ишь ты... устраивает его... погляди, какой барин выискался... а я еще, может, тебе и не сдам помещение... а то кто тебя знает... тут между моей половиной и той даже дверь без замка, кто тебя знает: может, ты грабитель какой или на-

сильник...

– Ну, Пульхерия Виссарионовна... – проговорил Кирилл смущенно. – Что вы говорите! Какой он насильник! Я же говорю, он мой товарищ, он мухи не обидит!

– Да эти твои товарищи не то что обидают... они и хуже сделать могу... вон Матильда Григорьевна сдавала тоже кусок дома двоим студентам, так они потом, как оказалось, там некромантией занимались. Обколются своим Некрономиконном и друг дружку по кругу это самое...

– Так это... некромантия – это про другое немного...

– Да у вашего поколения все к этому сводится! Вырастили каких-то развратников, прости, Господи! Разве мы в вашем возрасте такими были? Мы в походы ходили, или вот на богомолье в дальние монастыри. И никаких там гадостей не делали. А песни какие у нас были! Не то, что это ваше «тынц-тынц»! Душевные!

Она прикрыла глаза и затянула:

*Богомольцы, добровольцы,
Мы сильны нашей крепкою верой!
Из нас каждый в учении первый,
И за друга мы жизнь отдадим!*

Я аж поперхнулся, но комментировать не стал.

Жилая комнатка наверху оказалась небольшой и пыльной, но меня вполне устраивала – жывал я в молодости и

похуже. Пульхерия Виссарионовна оставила нас здесь одних, так что можно было осмотреться хорошенько. Кровать, потертый кожаный диван, старенький телевизор, шкаф для одежды, дверь в собственную ванную, совмещенную с туалетом. Жить можно.

Кабинет был весь завален мусором, а по углам висели заросли паутины таких размеров, что стоило опасаться, не сожрут ли тамошние пауки меня живьем. Хорошо бы было переклеить и обои, отделать пол и, разумеется, закупить новую мебель. Я задумался о том, что полученных от отца денег может, пожалуй, и не хватить.

– Ну, что, мне скорее нравится, – сказал я Кириллу. – А ты что думаешь?

– Слушай, а ты все это всерьез затеял? – спросил он, скептически осматривая фронт предстоящих работ. – Или так, поиграться? А то меня тут уже на собеседование в одно место пригласили, обидно будет, если я эту работу упущу, а тут тоже все загнется.

– Меня вчера выгнали из дома, – напомнил я.

– Ну, и что? Вчера выгнали, завтра опять вернут и пристроят тебя каким-нибудь начальником управления в Росмагнадзоре. А мне потом куда деваться, реально, что ли, на кассу опять идти в ресторан «Гузно и почка»? Я что не знаю, как это у аристократов делается? Для вас ведь семья важнее всего, даже если в семье не без уроды. Ну, я в смысле... не обижайся...

– Да я не обижаюсь, – я хлопнул его по плечу. – Но ты не знаешь моего отца...

В действительности я тоже почти что не знал своего здешнего отца, так что сочинял на ходу.

– ...он не успокоится, пока я не приползу к нему на коленях просить прощения. А я не приползу.

– А почему бы, собственно, не приползти? – спросил Кирилл. – Это нормально, все так время от времени делают...

– Потому что я Добровольский! А Добровольские не ползают на коленях. А поскольку он тоже Добровольский, то вот такая у нас с ним вышла коллизия.

– Да, я слышал, что у вас и до этого всего с ним трения были, – проговорил Кирилл задумчиво.

Я не стал ему говорить о том, что у настоящего Ярослава Добровольского трения с отцом были, главным образом, по вопросу о том, что отец хотел его видеть полезным членом своего клана, который занят не только тусовками и клейкой телок подручными средствами.

На эту-то тему у них и состоялся разговор прямо перед моим появлением. Петр Добровольский напутствовал непутевого сына незадолго до его выпускного тем, что если тот вытащит подходящего демона, например, праздножора второго или третьего уровня, то получит достойное место в его медийной империи. Например, сможет открыть свою продюсерскую компанию и снимать фильмы. Или получит свое телешоу. А если нет... пусть пеняет на себя.

И то, что я сделал... это с его стороны выглядит, как очередной заскок избалованного неадекватного сынули. Каковой сынуля, конечно же, скоро перебесится, вернется под сень отчего дома с поникшей головой, а там его уже можно будет куда-то пристроить. Никакого другого пути у него нет, разве что в петлю, потому что выросший в золотой клетке папенькин сынок, конечно, не представляет, откуда берутся деньги, и пробиться смог бы только при помощи сильного демона, которого у него нет и не предвидится.

Совершать выход на Изнанку и ловить там демонов возможно было всего пару-тройку раз в жизни. Многим это вообще удавалось всего один раз – вот почему это настолько ответственный день. Унаследовать родительских демонов тоже суждено не всем, тем более, что они, бывает, и сбегают в момент смерти владельца. Таким образом, попасть туда снова и попробовать свои силы еще раз мне светило в лучшем случае лет через десять, и то для этого следовало обзавестись серьезными покровителями, хорошенько поунижаться перед здешними правителями, кое-чему выучиться... в общем сделать множество такого, чего Ярослав Добровольский делать не умел и не хотел. Так что выходило, что он теперь неудачник с никчемным демоном, которому ничего не светит. Но теперь вместо него буду я, и это в корне меняет дело.

– Короче, я что хочу сказать, – вернулся я к теме разговора. – Я в полном дерьме, как и ты. И единственная возможность нам с тобой из этого дерьма выбраться, это делать то,

чему нас учили, а не ждать, что прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете.

– Прости, какой волшебник? – переспросил Кирилл.

– Неважно, какой. Так что, будем работать?

– Слушай, не в обиду, но ты же реально ни на одну лекцию не ходил.

– Вот поэтому мне нужен ты, – честно признался я. – И потом, конкретные юридические кейсы – это одно, а общие принципы я хорошо понимаю, чему-то меня научили, все-таки. И в Училище, и отец научил.

Кирилл поглядел на меня с видом человека, которому за отсутствием спасательного круга приходится хватать за задницу электрического угря. Больно и скользко – а что делать?

– Ну, давай, – ответил он. – По рукам.

И протянул мне свою руку, которую я тут же и пожал.

– Правильный выбор! – сказал я, хлопнув его по плечу. – Обещаю, ты о нем не пожалеешь!

– Честно говоря, у меня ощущение, что, все-таки, пожелаю, – Кирилл усмехнулся. – Но что делать? Я всю жизнь делал умные вещи – и вот куда меня это привело. Может быть, разок сделать глупость для разнообразия?

– А вы чаю не желаете? – раздался надтреснутый голос из-за двери. – Так уж и быть налью. Ну, и хозяйство свое покажу, если уж ты правда тут жить надумал. Надумал или нет?

– Надумал, – ответил я и открыл дверь. – Сегодня вам

задаток переводу, хотите сегодня же и документы оформим.

— Оформим обязательно, — ответила хозяйка. — А то знаю я вас. Глаз да глаз нужен. Так что, будешь смотреть-то, что у меня там, в подвале?

— Надо посмотреть, — шепнул мне Кирилл. — А то она обидится. А если она обидится... короче, ты не хочешь, чтобы она обиделась, поверь.

— Конечно, буду, — ответил я.

— Ладно, так уж и быть, покажу, — проговорила хозяйка с притворной сварливостью. Было видно, что ей на самом-то деле ужасно хочется похвастаться.

Мы спустились на пару этажей вниз по винтовой лестнице, обложенной холодными каменными блоками. Внизу нас ждала потемневшая от времени дверь, а когда хозяйка ее открыла, то мы оказались в темном помещении, более всего напоминавшем лабораторию алхимика. Только такого, который вместо колб и реторт предпочитает использовать советские трехлитровые банки.

Банки эти были везде: на столах, на полках, на полу, так что даже просто ходить по этой комнате следовало с осторожностью. На одном из столов зачем-то стояли несколько электрических чайников, подключенных к удлинителю, а также несколько стеклянных заварочных чайничков. Тут же были в беспорядке навалены картонные и жестяные упаковки из-под чая самых разных сортов, начиная от дешевого в пакетиках, и заканчивая каким-то пафосным, с золочеными

иероглифами.

– Вот оно, мое хозяйство, – произнесла гордо Пульхерия Виссарионовна с жестом экскурсовода. Сорок три гриба разных видов, некоторые такие, которых во всем городе больше ни у кого нет, мне из-за границы специально привозили за большие деньги.

Я присмотрелся повнимательнее: почти в каждой банке на поверхности плавал толстый серый пласт. Кажется, последний раз я такое видел в детстве: чайные грибы! И сколько! Но зачем?

– Пульхерия Виссарионовна действительно... самый известный в городе производитель, – проговорил Кирилл. – У нее многие заказывают.

– Что заказывают? – спросил я. – Просто напиток из чайного гриба?

– Что значит, «просто»?! – возмутилась хозяйка. – Да тут некоторые знаешь, какие нежные! Ты попробуй их вырасти, да сохрани, да все хотелки их выполни, да чтоб не поубегали еще...

Насчет «убегания» я тогда решил, что это не очень удачная шутка и усмехнулся. А хозяйка, между тем, решила рассказать о своих подопечных поподробнее.

– Вот это, например, Ромашка. Ее если ромашковым чаем напоить, она производит лучшее успокоительное. От него даже самая последняя истеричка целый день ходит спокойная, как удав, и не бесится.

Я заглянул внутрь. Ромашка была розоватого цвета, а жидкость в банке была зеленоватой издавала ромашковый запах.

– А это – Буйвол, – показала она на почти черный гриб, плававший в напитке, тоже очень темном. – Он любит чай покрепче. Но зато как он дня три на этом чае настоится, то потом... один стакан выпьешь, и хоть целую ночь потом на дискотеке отплясывай. Разные тусовщики берут, очень хвалят. Все эти, говорят, заморские энергетики – хрень полная по сравнению с буйволиным чаем. А вот это – Степашка. Из него напиток если на ночь выпить, сны такие потом приятные... и прям как наяву все...

– Слушай... это... – прошептал я на ухо Кириллу. – Если называть вещи своими именами, она тут наркотой, что ли, барыжит?

– Да тише ты! – прошипел он. – Смотри ей такое не ляпни. Мгновенно выгонит. У нее лицензия есть, все по закону. Хотя некоторые грибы, конечно... ну... в лицензию не вписаны, это да.

– А вот это – Валера, – продолжала хозяйка. – Этот вообще хрен знает, какой эффект дает. Он у меня недавно только, еще не пробовала, и в Интернете ничего про него нет. Даже породу не установила пока. Назвала в честь первого мужа своего – от него толку столько же было.

Я наклонился к банке с Валерой и тут же с ужасом отпрянул: изнутри на меня смотрели два мутных глаза, не челове-

ческих, конечно, а больше похожих на рыбы, но глядевших вполне осмысленно.

– Он это... кажется, с глазами? – спросил я.

– А то! Мне Матильда Григорьевна из Рязани прислала, у них там все такие. Хочешь, на тебе эффект опробуем?

– Нет, спасибо, – я нервно сглотнул. – Может быть, в другой раз как-нибудь?

– Ну, как хочешь. Ладно, ты я вижу, ничего парень, не совсем конченный. Оставайся, живи.

– Спасибо, – ответил я с улыбкой. – Очень лестная характеристика, постараюсь вас не разочаровать.

– Ишь ты, – Пульхерия Виссарионовна покачала головой. – Постарается он... А баб, все-таки, я водить сюда не дам! А то по тебе сразу видать, что ты охотник, ишь, вырядился как! Так и знай, никаких мне тут! У меня тут не бордель, так и знай!

Глава четвертая. Первое дело Ярослава Добровольского

Следующую неделю мы посвятили ремонту, а в свободное от него время я сидел за книжками, попутно учась ориентироваться в местной справочной базе «Консул». Последнее было проще всего – тут интерфейс был, прямо как у меня когда-то.

Между делом, я узнал, что никаких демонов в Российской Империи нет, а их использование строжайшим образом карается – вплоть до пожизненного заключения. Также караются «пропаганда использование демонов» и «оправдание использования демонов», правда чем они друг от друга отличаются, я уяснил не вполне. Так или иначе, любые разговоры о том, что у тебя есть демон, и ты пользуешься его магическими силами, могли стоить тебе свободы. Любые разговоры о том, что демон есть у кого-то другого, кстати, тоже, потому что автоматически считались злостной клеветой.

Когда я аккуратно попытался расспросить Кирилла, как это соотносится с тем, что происходило на выпускном, он посмотрел на меня так, будто я спросил его, почему трава зеленая.

– Ну, да... – растерянно ответил он. – Это запрещено...

ну, все это знают. И все пользуются.

Следующие пару часов он так на меня смотрел, что я понял: больше о таких вещах его лучше не расспрашивать, чтобы не выглядеть в его глазах полным идиотом. Лучше обратиться с вопросами к Теофрасту. Этот, впрочем, в местных реалиях тоже не особенно разбирался. Зато его можно было расспросить поподробнее о демонах, раз уж с людьми на эту тему говорить опасно.

Тот рассказал мне немало интересного о том, какие демоны вообще бывают.

Насчитывались их десятки разных видов, которые, к тому же делились на подвиды и уровни, так что в итоге по одной только их классификации можно было прочесть университетский курс. Были мощнейшие Архидемоны, которые на Изнанке были чем-то вроде правителей, владетельных князей, управляющих разными секторами этого странного мира. А были совсем мелкие и ничтожные микробесы, по сравнению с которыми даже Теофраст казался могущественным злым духом.

Каждый демон мог создать с человеком своего рода симбиоз. Мог сделать это по своей воле, но такое случалось редко. Гораздо чаще демонов ловили люди – при помощи специальных колец и других артефактов. Такие союзы работали в обе стороны: демон непременно давал человеку какие-то способности, зависящие от его разновидности, но и непременно забирал что-то взамен. В этом месте я попросил рас-

сказать поподробнее.

– Ну, как тебе сказать... – замялся Теофраст, развалившись прямо на столе и покачивая в воздухе волосатой лапой. – Вот смотри. Какая-нибудь фифа ловит на изнанке суккуба четвертого уровня. Вроде бы, круто! Жизнь удалась! Теперь она может с помощью этого суккуба любого мужика заарканить... ну, может, не любого так, чтоб прям все ее прихоти выполнял, но... почти каждый будет на нее смотреть и облизываться. Мечта? Еще какая! И она начинает этим суккубом пользоваться. Все чаще, чаще... и чем дальше, тем больше превращается в бесчувственную стерву, которой уже и мужики этим не нужны, и даже деньги не так уж радуют, и вообще ничего не греет, но зато чуть что не по ней, так она впадает в истерику и швыряется предметами! Короче, не жизнь у нее в итоге, а сплошное расстройство.

– Короче, за все надо платить, – я кивнул.

– А то! – Теофраст подмигнул и издал хоботом громкий сморкающийся звук.

Попутно я изучал историю здешней Российской империи, пытаюсь понять, как она соотносится с той историей, которую я изучал в родном мире в школе. Получалось не вполне. Выходило пока так, что карта мира здесь примерно такая же, как была в родном мне мире, но расположение стран несколько иное, и Россия занимает еще больше места, заметно доминируя в Евразии.

Узнал я много интересного и про саму местную Россию.

Как и полагается всякой уважающей себя империи, во главе стоял император, причем за последние триста лет сменились три династии.

Но главным отличием этого мира от нашего было то, что люди здесь с незапамятных времен умели проникать на Изнанку, в мир первородного хаоса, населенный демонами. И те, кому удавалось оттуда вернуться, нередко притаскивали этих демонов с собой.

В древние времена это не поощрялось, и более того, считалось страшным преступлением. Местная инквизиция жгла людей абсолютно по делу. Нет, бывало, конечно, что и не по делу, но общий посыл был верен. Когда за тобой бегают привязанный за нитку огромный паук, с помощью которого ты можешь сосать из окружающих жизненные силы... или когда у тебя есть невидимая летучая мышь, умеющая подслушивать чужие разговоры... в общем, я где-то даже внутренне согласен, что такого человека лучше сжечь на костре, просто для ясности.

Но, в сущности, это было лишь вопросом времени, пока хозяева демонов не проберутся во власть во всех странах. Еще бы: ведь речь идет о людях, наделенных суперспособностями, которых у их противников не было.

Первым делом они прибрали к рукам, конечно же, инквизицию и аналогичные ей органы в других странах. В том числе, и существовавший в тогдашней России Чародейный приказ. Когда же эта угроза была устранена, остальное было де-

лом техники, и через два-три поколения все дворянство во всех здешних империях состояло из людей, повелевающих демонами.

Но поскольку делалось это все тайно, то никаких законов, запрещающих демонами владеть, никто никогда не отменял. Более того, костры инквизиции пылали столь же ярко, только теперь в них горели уже противники демонологов. А также те из них самих, кто не угодил своим высокопоставленным собратьям.

Про основателя нынешней династии, Всеволода I, говорили (разумеется, шепотом и только в самых дальних закоулках Интернета), что возвыситься из низов ему помогло то, что он при окончании университета сумел подчинить себе Архидемона высшего ранга и получил способность влиять на людей, даже более сильную, чем у тогдашнего императора Александра IV, который, к тому же, был стар и малодетелен.

В итоге тот подчинил себе волю старого императора и заставил того назначить себя наследником – в обход четверых родных сыновей. Те попытались развязать гражданскую войну, но довольно быстро ее проиграли, Всеволод I вззошел на престол, и ныне империей правил его внук, Всеволод II. Власть их с тех пор почти никто не оспаривал.

Между делом мы съездили в местный Минюст и зарегистрировали юридическую фирму под названием «Добровольский, Грушин и партнеры». Партнеров, естественно, ни-

каких не было, но я объяснил Кириллу, что так звучит солиднее.

Устав и прочие документы мы писали по ночам, поработав днем поклейщиками обоев. С этим у меня проблем не возникло, и Кирилл иной раз удивлялся, как это у меня ловко получается работать с документами, с учетом того, что я никогда этого не делал. Я объяснял это тем, что нахватался кое-чего у отца, желавшего приобщить нерадивого сына к ведению бизнеса.

Так или иначе, пару недель спустя комната в особняке Пульхерии Виссарионовны напоминала солидный кабинет юриста и могла быть с грехом пополам использована для важных переговоров.

На остатки денег мы запустили в Интернете рекламу, и уже через пару дней обнаружили, что у нас, кажется, есть первая клиентка. Это было волнующе. Вот, сейчас начнется наше восхождение на здешний юридический Олимп!

Достигнув кое-чего в родном мире, я, все-таки, волновался и даже с трудом в тот вечер уснул. На завтра у нас был первый рабочий день.

Она позвонила мне днем ранее, спрашивала взволнованным голосом, может ли она приехать немедленно, но я взглянул на полупустой кабинет, в который еще даже рабочий стол не принесли, и солидно проговорил, что сегодня у меня уже

назначено три встречи, а она, если ей будет удобно, может приехать завтра.

Назавтра она и явилась: немолодая, но еще довольно эффектно выглядящая дама в светлом брючном костюме. Внушительных размеров бюст, крашенные в блонд волосы, обильный, но не вульгарный макияж, деловое выражение лица, подчеркнутое строгими очками в тонкой оправе.

На нас с Кириллом она сперва взглянула скептически, но я старался расположить ее к себе изо всех сил, и был сама любезность.

На Кирилла по этой части надежда была слабая. Я еще раньше заметил, что с женщинами он разговаривать не умеет. То есть, буквально: замолкает и ни «бе», ни «ме», и чем красивее женщина, тем хуже идут дела.

Дама представилась Ольгой Скрынниковой и рассказала, что пришла за консультацией по семейному праву, в связи с тем, что ее по всей видимости, в скором времени ожидает развод с супругом. А поскольку делить им есть что, то она и хотела бы заранее понять, как осуществить этот дележ в свою пользу.

Надо сказать, что в рекламе наших услуг я особенно напирал на нашу отличную квалификацию в области семейного права. Не сказать, что оно было моим коньком в родном мире, но зато здесь мне удалось освоиться с ним достаточно быстро, благо, не больно-то оно отличалось от привычного мне. Правда, были здесь свои нюансы, и наш разговор с гос-

пожой Скрынниковой быстро к этим нюансам и привел.

На вопрос о том, что же именно послужило причиной развода, она сначала замялась, опустила глаза, и заявила, что это к делу не относится, тем более, что основная причина в том, что ее муж – козел. Но когда я с серьезным видом заявил, что с юристом следует быть столь же честным, как с врачом, выяснилось, что с козлом у мужа госпожи Скрынниковой действительно есть кое-что общее, а именно – рога. Обнаружив которые на своей голове господин Скрынников и подал на развод.

Это осложняло дело. В том Семейном кодексе, который я знал в прошлой жизни, измена правонарушением не считалась, и процесс раздела имущества никак не зависел от того, кто там кого в чьей постели поймал. Здесь было не так. Здешняя Российская Империя была страной пуританской, супружескую измену осуждала, а сторона, допустившая подобное, серьезно поражалась в правах при разводе. Это-то обстоятельство и привело госпожу Скрынникову ко мне. Ну, и еще, видимо, жадность, потому что за час я брал сильно меньше, чем опытный местный юрист.

На этом месте я спросил, не желает ли она кофе, а когда она высказала такое желание, барским жестом отправил Кирилла этот кофе делать. Нет, ну, а что? Раз он так пассивно участвует в разговоре, пускай выполняет секретарские обязанности.

Кирилл бросил на меня взгляд из серии «я тебе это при-

помню», но скандалить не стал и отправился к Пульхерии Виссарионовне на кухню делать кофе.

На госпожу Скрынникову кофе подействовал хорошо, она заметно раскрепостилась, и мы немного поболтали с ней о превратностях судьбы, даже посмеялись.

После этого я начал склонять ее к подписанию с нами договора. Делал я это с такой же мягкой настойчивостью, с какой опытный оболъститель подталкивает стыдливую даму к кровати. Важно было и не спугнуть, но в то же время и из рук не выпускать.

Однако подписывать договор она не спешила, все допытываясь, точно ли я имею должную квалификацию. Показанный диплом – кстати, с отличными оценками, потому что Ярослав Добровольский платил за учебу по высшему тарифу – ее убедил не вполне.

Тут очень вовремя подключился Кирилл и, переборов с видимым усилием свой речевой паралич, начал читать госпоже Скрынниковой целую лекцию о том, как теория семейного права разграничивает обстоятельства, при которых произошла измена. Клиентка заметно успокоилась, решив, видимо, что раз в этой фирме такой подкованный секретарь, то уж за квалификацию старшего партнера можно не волноваться. Дело уверенно шло к подписанию договора, который Кирилл заблаговременно подготовил и распечатал. И клиентка уже потянулась к ручке, чтобы поставить на нем автограф.

– Я тебе! А ну быстро пошел назад! Живо! – раздался вдруг за дверьми отчаянный крик.

– Что такое? – спросила госпожа Скрынникова, обернувшись к дверям и отложив ручку.

– Не обращайтесь внимания, – ответил я, вкладывая ручку обратно в ее пальцы. До меня дошло, что бесчинствует там, судя по голосу Пульхерия Виссарионовна. Причем, происходит это уже на моей половине дома.

Вот же старая калоша! Все настаивала, чтобы на ее половину дома никто ни ногой без разрешения, а сама... да кого она там гоняет-то?

– Ах ты гнида! Ну, подожди у меня! Я тебя на сковородке зажарю, с картошкой и луком! Будешь знать, как убегать, скотина!

Вслед за этим раздался шлепок, словно кто-то пытался прихлопнуть таракана тапком, но, видимо, не преуспел в этом, потому что беготня и возгласы не прекратились.

Я сделал Кириллу знак лицом, дескать, иди, утихомирь ее, объясни, что у нас клиент, пусть ведет себя потише, мы же ей не мешаем.

Это было роковой ошибкой. Если бы я никак не отреагировал на эти вопли, да еще запер бы дверь, все, может быть, еще как-нибудь обошлось бы. Однако Кириллу, чтобы выйти и поговорить с подругой бабушки, пришлось, конечно же, дверь открыть, и не успел он что-либо предпринять, как в кабинет влетело нечто серое и склизкое, а вслед за ним –

нечто леопардовое и разъяренное.

И если второе из существ, вторгшихся в кабинет, вне всякого сомнения было Пульхерией Виссарионовной, разъяренной и размахивающей резиновым сланцем, то первое мне удалось идентифицировать не сразу. Было оно плоским, скользким, размером примерно с тарелку и перемещалось длинными прыжками, преодолевая по паре метров за раз. Каждый прыжок оканчивался мокрым шлепком, после которого существо прилипало то к полу, то к шкафу, то к стене.

Только после третьего прыжка я осознал, что это один из виденных мною в подвале многочисленных чайных грибов. Возможно, меня навели на эту мысль глаза, которые я снова разглядел.

– Это что такое?.. – проговорила госпожа Скрынникова, ошарашенно глядя на сцену погони.

Но более ничего сказать она не успела, потому что в следующий миг раздался новый шлепок, и гриб впечатался всей своей поверхностью в ее лицо. Клиентка вскрикнула, всплеснула руками, гриб прыгнул снова, на этот раз выскочив за пределы кабинета и унося на себе толстый слой макияжа, который до этого украшал госпожу Скрынникову. Сама она сидела в кресле с таким выражением лица, что я всерьез опасался, как бы ее не хватил инфаркт. Однако обошлось. Дама, которая должна была стать первой клиенткой бюро «Добровольский, Грушин и партнеры», поднялась из кресла и торопливо проговорила: «Я, наверное, лучше зайду в другой

раз», после чего исчезла в дверях вслед за чайным грибом и побежавшей его догонять хозяйкой.

Что-то подсказывало мне, что в другой раз она придет уже к другим юристам.

Глава пятая.

Таинственная незнакомка

На следующий день я явился в свой офис с мрачным предчувствием, и оно меня не обмануло. Госпожа Скрынникова, естественно, больше не явилась, в кабинете было пусто и кисло, словно в желудке анорексички.

Лишь под конец рабочего дня раздался телефонный звонок, и я с замиранием сердца схватил трубку. Ну, наконец-то! Хоть кто-то. Сейчас у нас появится какое-нибудь дело, которое не стыдно будет запихнуть в портфолио.

— Здравствуйте, вас беспокоит следователь по особо важным делам Центрального Аппарата Управления по борьбе с незарегистрированной потусторонней активностью, — протараторила трубка хорошо поставленным мужским голосом. Таким в кино говорят честные полицейские. — К нам поступила информация, что с вашего счета совершаются подозрительные списания. Это демоническая атака, в которой задействован златовор третьего уровня, обеспечивающий взлом даже надежных банковских систем. Ваши деньги в серьезной опасности, нужно действовать очень быстро. Пожалуйста, не вешайте трубку, выполняйте мои инструкции, и мы с вами сможем спасти ваши средства.

– Вот как? – спросил я. – И что же мне нужно делать?

Голос на том конце зазвучал с воодушевлением.

– Для того, чтобы обезопасить свои средства, вам нужно перевести их на специальных счет, защищенный от потустороннего вмешательства. Мы предоставляем гарантию полной сохранности, подтвержденную лицензией Росмагнадзора номер...

Он зататорил, заваливая меня ссылками на какие-то документы, законы и регламенты, бог весть, существующие ли или нет. Пока он вещал, я достал из кармана ручку, снял с нее колпачок и направил острие в телефон. Интересно было проверить: работает это так или нет?

– Ты по какой статье чалишься-то? – спросил, почувствовав, как ручка завибрировала и завертелась в моих пальцах, но я удержал ее так, чтобы острие продолжало смотреть в телефон.

На том конце повисло напряженное молчание. Пару раз слышались какие-то булькающие звуки, словно мой собеседник открывал рот и тут же его закрывал, при этом бессильно шлепая губами.

– Двести тридцать восьмая, – проговорил он, наконец, и совсем уж нехотя прибавил, – часть четвертая.

Я еще не настолько хорошо знал местный Уголовный кодекс, так что пришлось заглянуть в «Консул» и быстренько его открыть.

– Это же как тебя угораздило, дружище? – спросил я,

ознакомившись со статьей. — Изнасилование мелкого рогатого скота группой лиц по предварительному сговору. Еще и повлекшее порчу имущества.

— Я не виноват, — залепетал мой собеседник. — Это они меня подговорили... сами-то убежали потом, им ничего не было, кроме Васьки, но и тот штрафом отделался. Конечно, у него отец в администрации работает. А мне отдувайся за всех... А я даже попробовать успел всего разочек...

— И как ощущения? — спросил я, положив ногу на ногу. Ручка вырывалась из моих рук, словно стала живым существом, но я крепко сжал пальцы, не давая острию изменить направление. — Стоило того?

— Ну, такое... — проговорил следователь по особо важным овцам. — Не особенно. Не советую. Хрень.

— Ну, ладно, — ответил я со вздохом. — Раз не советуешь, тогда, пожалуй, не буду. Послушаю мнения эксперта. А тебе желаю всего наилучшего. Побystрее выйти, работу нормальную найти, жену, опять же. А то ведь на одном мелком рогатом скоте далеко не уедешь.

С этими словами я повесил трубку. Господи, как же эти деятели меня еще в моем мире достали!

Словно испугавшись, телефон больше не звонил ни в этот день, ни в следующий. Так и неделя прошла без всякого толку. Реклама крутилась, кто-то даже кликал на нее, но новые клиенты звонить нам не спешили. Должно быть, мы с Кириллом не слишком презентабельно выглядели на фотках для

сайта, хотя я и постарался подобрать такие, где мы смотрелись постарше и посолиднее.

Пульхерия Виссарионовна очень извинялась и даже предлагала то и дело испить то одного, то другого напитка из своих грибов, рекламируя их чудодейственные свойства. Больше всего отчего-то налегала она на тот, который «любого мужчину превращает в неутомимого любовника», однако я отказывался. Я и в прошлой-то жизни проблем по этой части не испытывал, а тут, имея тело восемнадцатилетнего парня, всерьез опасался, что, испив этого божественного нектара (если, конечно от него вообще есть какой-то эффект), начну лезть на стены, и даже самую Пульхерию Виссарионовну стану воспринимать, как сексуальный объект. Впрочем, не на это ли и был ее тайный расчет?

От нечего делать мы с Кириллом нарисовали красивые презентации, стали закидывать ими почту разных компаний, но ответа ниоткуда не получили.

Что ж, начиналась наше завоевание мира не бог весть как. Суровая рука голода, конечно, ко мне еще не протянулась, да и у Кирилла еще оставалось кое-что из сбережений, но, все-таки, слишком много у нас ушло денег на обустройство, и было бы очень неплохо найти уже хоть какого-нибудь завалящего клиента.

С этой целью я обратился даже к Теофрасту: не может ли дикая тварь раздора учуять поблизости какой-нибудь раздор, желательно такой, который бы обеспечил нас контрак-

том на пару тысяч рублей. Но Теофраст оказался по этой части совершенно бесполезен. Ему-то жрать было не надо – как я выяснил, он питался негативным эмоциями, выделяющимися в момент конфликта, так что одного только визита к моему отцу ему хватило, чтоб наесться на пару недель.

В ответ на это заявления я порадовался, что он сыт – значит, Вечному Мраку он не покажется достаточно костлявым, когда тот будет Теофраста жрать. Бес обиделся и целый день со мной не разговаривал.

После того, как и пятница прошла таким же образом, без всякой пользы, я решил выделить из своего бюджета небольшую сумму и порадовать себя походом в клуб.

Себе я это объяснил так, что нужно поддерживать имидж Ярослава Добровольского, который не должен превратиться в скучного офисного клерка... но, черт возьми, кого я обманываю? Мне и самому жутко хотелось посмотреть, как здесь развлекается народ, да и принять участие, чего уж там.

Выбрал я заведение, в котором Добровольский, судя по фотографиям в его телефоне, бывал не раз. Это был клуб «Черная лилия», место, где собиралась местная аристократия, а из простолюдинов не допускался практически никто, за этим следил фейс-контроль.

Ко мне у охраны вопросов, естественно, не возникло, и я прошел внутрь, в темное помещение, где источниками света были лишь сцена и подсвеченная стойка бара.

В первую минуту я почувствовал легкий укол стыда оттого, что, возможно, в это самое время моя семья там, в другом мире, справляет по мне поминки, а я, между тем, здесь развлекаюсь.

Но эту этическую проблему я решил быстро и просто. Я умер. Я тот, который жил в своем мире, умер вместе со всеми своими долгами, в том числе, и нравственными. Здесь меня нет. Здесь есть избалованный аристократический отпрыск Яро Добровольский, а я всего лишь помогаю ему встать на путь истинный, раз уж сам он не справился.

Да и в конце концов, им ведь наверняка было бы приятно, если бы я после смерти попал в рай? Тут, конечно, не рай, но что-то приятное здесь можно найти.

Народу было не очень много. Играл какой-то быстрый и тревожный трек, несколько человек на танцполе отплясывали под него без огонька. Я обошел танцпол и направился к барной стойке.

– Вам как обычно? – спросил меня бармен. Я кивнул. Что ж, посмотрим, что для Яро Добровольского значит «как обычно».

В ожидании своего напитка я осматривался по сторонам. В интерьере было что-то от готического собора: черные стены, цветные витражи, приподнятая сцена, похожая на алтарь. Но главное – ощущение мрачной торжественности и тревожности. Мне нравилось это место. Нравилось в том специфическом смысле, в котором многим людям нравится

смотреть фильмы ужасов. Оно будоражило чувства.

Между тем, подоспел мой напиток и я пригубил его из низкого стакана, наполовину наполненного льдом. Похоже отдаленно на вискарь, но как будто с каким-то кислым привкусом, словно в стакан с вискарем кто-то уронил дольку дольку зеленого яблока.

В целом, мне скорее понравилось. Однако я, давно уже не пивший ничего крепче чая, решил, что злоупотреблять я сегодня не буду. Лучше растянуть стакан на подольше. Тем более, что цена напитка оказалась такой, что хлестать стакан за стаканом мне нынче было и не по карману.

Минут через десять возле стойки появилась девушка, нарочито небрежно одетая в черную бесформенную толстовку и простенькие синие джинсы. Волосы, почти черные, у нее были стянуты в хвост, словно у школьной отличницы, а лицо при этом несло на себе какой-то очень гордый, поистине аристократический отпечаток. Так могла бы смотреть королева в изгнании, вынужденная ходить в обносках, но при этом ни за что не потерпевшая бы пренебрежительного к себе отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.